

Шестидесятая глава

Не успела Императрица закончить, как вперед вышел глава Далисы:

— В тюрьмах Далисы немало служащих Цзиньивэй, посему полагаю, что раз командующий является членом императорского рода, дело надлежит передать на дознание во внутренний дворец.

Цзунжэньфу обычно занимался лишь регистрацией имен потомков императорского дома и не имел полномочий вершить столь важные дела.

Видя, что никто не смеет взять на себя ответственность за его допрос, Тоба Цзянлань решил, что еще не все потеряно, и взмолился:

— Ваше Величество, умоляю, дайте мне шанс! Я непременно докопаюсь до истины! Прошу, дайте мне всего один день! Цзиньивэй невиновны, Ваше Величество!

В этот момент Юй Дэчжун приблизился к Императрице и прошептал ей что-то на ухо.

Императрица кивнула и произнесла:

— Это дело передать на дознание Дун-чану. Я утомилась, расходитесь.

После того как чиновники покинули зал, Линь Юйцзэ, сделав крюк, вернулась во внутренние покои. Тоба Цзянлань никогда не был крепким орешком, и его падение было лишь вопросом времени. Однако, вспоминая, как он метался по залу, словно безумный, Линь Юйцзэ почувствовала невероятное удовлетворение.

В императорском саду, однако, Императрица встретила ее с мрачным лицом.

Линь Юйцзэ недоуменно спросила:

— Цзиньивэй теперь словно тигр, которому вырвали зубы, они больше не смогут помешать Вашему Величеству. Почему же Вы не радуетесь?

— Знаешь ли ты, почему сегодня утром я внезапно созвала совет?

Линь Юйцзэ покачала головой.

— Я проснулась среди ночи, и первой же мыслью было, что появление убийц во дворце — отличный повод прижать Цзиньивэй. Сместив Тоба Цзянланя, я могла бы восстановить справедливость ради тебя.

Линь Юйцзэ кивнула, пытаясь ее утешить:

— Цзян Ли так добра ко мне.

Но Императрица не приняла ее ласки и продолжила:

— А ты не предупредила меня заранее и втянула в это всю организацию Цзиньивэй!

Линь Юйцзэ не ожидала, что Цзян Ли придаст этому такое значение. Утреннее заседание было

случайностью, она и предположить не могла, что Императрица сама решит выступить в ее защиту.

Она устроила покушение лишь для того, чтобы под предлогом усиления охраны заменить стражу Цзиньвэй и Цилиньвэй на евнухов из Силицзяня. Она не планировала уничтожить Тоба Цзянланя одним лишь этим делом — он все-таки был родственником Императрицы, и такой мелочи было недостаточно, чтобы сломить его хребет.

Императрица лишь сняла бы его с должности, но Линь Юйцзэ жаждала его крови.

Прошлой ночью она составила прошение, чтобы, воспользовавшись глубоким разочарованием Императрицы в Цзиньвэй, выложить заранее подготовленные козыри и окончательно погубить Тоба Цзянланя.

— Я... — Линь Юйцзэ на мгновение лишилась дара речи.

В глазах окружающих она не имела никакого отношения к Дун-чану. Даже после того, как она предложила его создать, она больше не принимала участия в его делах.

Не говоря уже о том, что творилось за закрытыми дверями, официально и Силицзянь, и Дун-чан подчинялись лишь воле Императрицы, а управлял ими главный евнух Сюй Дэчжун. С самой Линь Юйцзэ они не имели никакой связи.

В этот раз она тайно использовала ресурсы Дун-чана, чтобы подставить Тоба Цзянланя. Как она могла рассказать об этом Цзян Ли? Интриги и коварство должны были остаться в тени.

Взгляд Императрицы стал печальным:

— Я знаю, сейчас я слаба и ничем не могу тебе помочь... Я думала, что между нами нет тайн.

Глядя на удаляющуюся фигуру Цзян Ли, Линь Юйцзэ застыла на месте. То, что она делала, было достойно презрения — зачем было заранее говорить об этом и заставлять Цзян Ли страдать еще сильнее?

Впрочем, ничего. Когда Цзян Ли остынет, она ее задобрит.

Вернувшись в поместье Линь, она обнаружила, что глава рода пребывает в дурном расположении духа. Линь Юйцзэ начала подозревать, что на нее наложено проклятие неудачи — почему все вокруг такие угрюмые?

— Тоба Цзянлань подал дурной пример, — вздохнул старик Линь.

Линь Юйцзэ спросила:

— Что вы имеете в виду?

— Раньше в придворных кругах, хоть и избавлялись от неугодных, не гнушаясь грязными методами, это все же походило на открытое противостояние. Тоба Цзянлань тогда оклеветал тебя без всяких оснований — поступок низкий, но я не ожидал, что ты ответишь ему тем же.

Линь Юйцзэ не согласилась:

— Разве это не прекрасно? Разве с врагами нужно церемониться?

Глава рода помрачнел еще сильнее:

— Если каждый станет поступать как вы, то кто из чиновников доживет до отставки и возвращения в родные края? Боюсь, как только человек ослабнет от старости, его тут же прикончат!

Доказательства для подставы Тоба Цзянланя стоили огромных усилий и денег. Если бы не средства из семейной казны, Линь Юйцзэ не смогла бы их достать. А что касается точных сумм — прошлогодние отчеты Министерства общественных работ хранились во дворце, и без помощи главы рода она не смогла бы вычислить, какие именно улики должны были появиться в доме Тоба Цзянланя.

Поэтому старик прекрасно знал, что она замышляла втайне.

Придворная борьба, конечно, была жестокой, но не до такой степени, чтобы превращаться в закон джунглей. Победы и поражения случались у каждого, и никто не мог гарантировать, что сам не оступится. Все они были учеными мужами, коллегами, и негласное правило оставлять путь к отступлению соблюдалось всеми.

Глава рода отчитал ее:

— Такие, как Цзиньивэй, действуют нагло и беспринципно. Ты видишь хоть кого-то при дворе, кто хотел бы с ними водиться? Не забывай: кто теряет праведный путь, тот остается в одиночестве.

Линь Юйцзэ крутила в руках чашку. Она никогда не считала беспринципность чем-то зазорным — разве цель не оправдывает средства? Но слова отца звучали разумно, и ей пришлось признать его правоту.

Она отставила чашку, покорно встала и поклонилась.

— Благодарю за наставление, отец. Я все обдумую.

После того как резиденция зятя императора была достроена, Линь Юйчи с Пятой принцессой переехали туда. Это было двойное торжество: Императрица вдобавок повысила Линь Юйчи в должности, назначив его правым цензором.

Подумав о том, что брату больше не придется постоянно быть в разъездах, она решила, что вскоре стоит ждать добрых вестей.

Линь Юйцзэ сидела дома, размышляя, остыла ли Цзян Ли. В этот момент слуга принес письмо.

Линь Юйцзэ открыла его: Чжоу Муя приглашала ее в ресторан. За месяц до поездки в летний дворец Линь Юйцзэ подружилась с этой компанией бездельников, с которыми общался ее брат. Они были людьми прямыми, и в их отношениях не было корысти.

Когда она прибыла в уединенный кабинет ресторана, там сидела лишь Чжоу Муя.

— Сестрица Чжоу, почему ты одна? Где Сунь Чэнь и Го Вэй?

Чжоу Муя пригласила ее присесть и с тоской вздохнула:

— Их обоих так сильно принуждают к браку, что они сбежали в другие края, чтобы переждать

бурю.

Все они были уже немолоды, и, похоже, в любую эпоху одинокие люди в возрасте становились главной мишенью для старших.

Линь Юйцзэ усмехнулась:

— А как же ты, сестрица Чжоу?

— Не напоминай. Если бы твой брат внезапно не женился, я могла бы еще пару лет пожить в свое удовольствие.

Улыбка застыла на лице Линь Юйцзэ. Брат? Сестрица Чжоу? Неужели?

Чжоу Муя, увидев ее выражение лица, сразу поняла, что та неверно истолковала слова, и поспешила объяснить:

— Не думай о лишнем, все было так...

Оказалось, отец Чжоу Муя, цензор Чжоу, знал, что его дочь постоянно околачивается со старшим сыном главы рода Линь. Он не торопил ее с замужеством в надежде, что со временем между ними вспыхнет любовь и они заключат выгодный союз.

Но когда Линь Юйчи женился на Пятой принцессе, надежды цензора рухнули, и он тут же принялся устраивать судьбу дочери.

Чжоу Муя не испытывала ни малейшего интереса к предложенным женихам из знатных семей и постоянно ссорилась с отцом. В конце концов, у того не осталось выбора, и он поставил условие: либо она идет на государственную службу и прославляет семью, либо выходит замуж по расчету.

Чжоу Муя с плачевным видом проговорила:

— Через несколько дней я уезжаю в округ Тайцан, в поселок Хуанду, чтобы служить в Шибосы. Даже не знаю, когда смогу вернуться.

Чиновники из столицы не любили уезжать далеко, но служба на местах давала хороший опыт для будущей карьеры.

Линь Юйцзэ утешила ее:

— Не грусти, сестрица Чжоу. Я слышала, Тайцан не уступает Бяньцзину по процветанию. Думаю, ты там надолго не удержишься.

Чжоу Муя не была из тех, кто любит жаловаться, и после короткого разговора перешла к делу:

— Я знаю о процветании Тайцана. Позвала тебя, чтобы обсудить кое-что.

— Внимательно слушаю.

— Тайцан расположен в землях У и Юэ. Со времен предыдущей династии это место славилось талантами в науках и торговле. Особенно Шибосы — ежегодная дань и торговля с заморскими странами приносят колоссальные богатства.

Линь Юйцзэ похвалила:

— Прекрасное место. Вернувшись оттуда, ты вполне можешь претендовать на пост заместителя министра двора.

Чжоу Муя посмотрела на нее серьезно:

— Ты уже заместитель министра общественных работ. Неужели ты довольствуешься лишь этим?

— Конечно, нет.

— Выше тебя только министр. Хотя я и новичок, но все знают, что из шести министерств, кроме Министерства чинов, остальные не дают реальной власти.

Линь Юйцзэ была поражена проницательностью Чжоу Муя. Столичная молодежь все-таки отличалась от остальных: столько лет притворяться бездельницей, а так глубоко разбираться в придворных делах.

— Что ты хочешь мне сказать?

Чжоу Муя вдруг сменила серьезный тон на улыбку:

— Служба — это лишь временная отсрочка. Когда я вернусь, отец снова примется за свое. Я не хочу отдавать право выбора в чужие руки, это лишает меня покоя. А у тебя, сестренка Юй, нет таких забот?

Почему разговор снова вернулся к ней? Линь Юйцзэ кашлянула:

— Пока нет.

— Ах, молодость, — Чжоу Муя поправила волосы. — Сейчас при дворе смена поколений. Должности, которые занимают выходцы из системы экзаменов под контролем твоего отца, заняты одними и теми же людьми. По-настоящему новых лиц почти нет.

— Ты хочешь создать свою группировку? — поддразнила Линь Юйцзэ.

— А ты нет? Эти старые пердуны — не включая сюда твоего отца — держатся за свои кресла, ничего не делают и используют детей как пешки для укрепления своего влияния. Я давно не могу на них смотреть.

Чжоу Муя перевела взгляд на нее:

— Если бы не твой брат, моя вольготная жизнь так бы и продолжалась. А теперь придется потрудиться.

Линь Юйцзэ прищурилась:

— Ты правда не любишь моего брата?

Чжоу Муя не стала скрывать:

— Раньше я была как ты, у меня были свои амбиции. А потом встретила этого мерзавца Линь Юйчи. Вечно хохочет, никаких манер, но я, словно ослепла, вдруг решила, что он особенный, и

стала такой же бездельницей.

Допив чай, она с грохотом поставила чашку на стол и сердито добавила:

— Я, переступив через гордость, написала ему стихи, а он на следующий день вернул мне письмо! Я пошла разбираться, а он заявил, что его сердце уже занято!

Линь Юйцзэ воскликнула:

— Как такое возможно? У него ведь никогда не было возлюбленной! Иначе зачем было тянуть с браком до двадцати с лишним лет?

— Вот именно, все так говорят. Я тоже не верила, думала, он мне врет. Когда мы учились в Гоцзыцзяне, было модно дарить друг другу портреты на память. Я тогда нарисовала несколько портретов Линь Юйчи. И подумала: если он действительно кого-то любит, то наверняка нарисовал этого человека с особой тщательностью.

Линь Юйцзэ затаила дыхание, предчувствуя сенсацию.

— Однажды я пробралась в его комнату и нашла множество рисунков. Половина из них была посвящена одному и тому же человеку. С каждым разом все искуснее: глаза, улыбка — казалось, они оживают. Тот, кто это рисовал, вложил всю душу.

— И кто это? Пятая принцесса?

Чжоу Муя усмехнулась, в ее улыбке сквозила ирония, которую Линь Юйцзэ не могла понять.

— Она похожа на Пятую принцессу, но это не она.

Похожа на принцессу? В душе Линь Юйцзэ родилось нелепое подозрение, словно ее окатили ледяной водой.

Чжоу Муя указала пальцем на небо.

— Это Императрица.

<http://bllate.org/book/19929/1961106>